

*А. Золотарь,
студентка 4 курса Института теологии БГУ¹*

Образ рая в талмудической и христианской традициях

Учения о некоей иной, отличной от этого тленного мира реальности издревле волновали и волнуют человека. Вера человека во всемогущего и справедливого Бога побуждала людей к изобретению различных представлений об аде. Но, с другой стороны, Бог был и есть милосердный и опять-таки всемогущий, поэтому человек всегда уповает на спасение Богом его падшей после грехопадения души. Мы считаем, что именно учение о Рае является основой как христианства, так и иудаизма. Рай – это та область исследования, которая никогда, вплоть до самого обретения человеком того, к чему он стремится, не перестанет быть актуальной.

Образ Рая в христианской традиции

Говоря об образе Рая в христианской традиции, необходимо отметить, что тяготеющая к наглядности разработка представлений о Рае в христианстве пошла по трем линиям: а) Рай как сад, б) Рай как город, в) Рай как небеса.

а) Очень древний мотив – Рай как сад, и один из учителей церкви IV века, христианский богослов и поэт Ефрем Сирийский дает нам именно такой образ неземной жизни в своем сочинении «О рае». Рай Ефрема Сирийского – это исключительно Земной Рай, то есть Эдемский сад. Он пишет: «На блаженной земле кротких, <...> вода упокоения и место злачное, <...> и виноград, возделываемый Богом всяческих, на той блаженной земле, которая приносит прекрас-

¹ Консультант: Акимов В. В., кандидат богословия

ные плоды, произрастает древо жизни, орошается источниками духовных дарований, на которой растет истинный виноград, которого деятелем, как слышим, есть Дух ...» [4, с. 21].

б) Линия Рая как города имеет за собой очень древние представления о «круглых» и «квадратных» городах, которые символизируют идеальность Рая. Согласно Апокалипсису, Небесный Иерусалим является именно квадратным.

в) Напротив, Рай как небеса принципиально противоположен всему «земному». Тема Рая как небес была классически разработана в последней части «Божественной комедии» Данте. Данте разделяет Вселенную на подлунный и надлунный мир. Надлунный мир состоит из 8 сфер, за которыми располагается сфера, именуемая Первым Движущим или *Primum Mobile*. За Перводвижущим следует Эмпирей, невещественная световая сфера, Рай в собственном смысле слова. Перводвигатель движется с максимальной скоростью, пытаясь соединиться с Эмпиреем [11, с. 258].

Последнее событие великого странствования Данте – созерцание Розы блаженных. Данте предваряет структурно четкую картину Розы неопределенным описанием пейзажа, так как Рай должен быть единством предела и беспредельности. Окрепшее зрение придает видению новые очертания. То, что Данте принимал за берег реки, оказалось амфитеатром, в рядах которого сидят праведники, созерцающие Бога, явленного в свете. Центральное сияние образует как бы желтую сердцевину, а праведники в белых одеяниях – белые лепестки Эмпирея. Как пчелы над цветком летают вверх и вниз ангелы. Мы видим, что Рай в изображении Данте, при всей его переполненности блаженством, – очень динамичный организм. Образ амфитеатра совмещается с образом цветущей белой розы, обращенной к лучу солнца-Бога. Роза не просто цветет – она распускается, так как к ней прибавляются новые лепестки [3, с. 185]. Благодаря стремлению всех сфер к Эмпирею – в «небеса небес», к чистейшему свету небесному, Умопостижимому свету, где

все – любовь, Рай Данте обладает определенной динамикой.

Также нужно отметить существование среди христианских учителей Церкви не буквального, а символического восприятия Рая-Сада. Так, книга святителя Амвросия Медиоланского «О рае» очень интересна своим смелым аллегорическим толкованием. Святитель рассматривает Рай как душу того человека, который еще не совершил грехопадение, то есть Рай – это, прежде всего, духовное состояние человека, состояние обновленного человека, спасенного Страданием Христа [2, с. 534].

Таким образом, мы видим, что даже в рамках одной христианской традиции существуют довольно разнообразные подходы к трактовке образа Рая. Это и прекрасный Райский Сад святого Ефрема Сирина, и идеальная форма Небесного Иерусалима из Апокалипсиса, и сферическая конструкция Данте, постоянно пребывающая в динамике и стремлении к самосовершенствованию. Но мы должны отметить, что и Сад, и Город, и Небеса соединяет то, что все эти понятия обозначают пространство, то есть Рай христианства является именно пространственным. Даже для смелого аллегорического толкования святителя Амвросия Медиоланского характерно представление именно о такой форме Рая, так как Рай как душа человека – это тоже пространство.

Для того, чтобы глубже понять образ Рая, который предлагает нам христианская традиция, необходимо вернуться к истокам христианских представлений о Рае – к представлениям о Рае в иудаизме.

Образ Рая в талмудической литературе

О как славен покой субботний,
Отдых усталым, награда стойким,
Тихая радость Иерусалима,
Где мы хотим не больше, чем можем,
И получаем больше, чем просим!
О великий город покоя,
Царство смиренного совершенства!

Там, когда Господь одолеет
Всякое зло, что есть на свете,
Будем мы праздновать непрестанно,
Переходя из субботы в субботу
И вместе с ангелами прославляя
Благоутробие Господне.

(Дороти Сэйерс) [8, с. 19]

Мы видим, что иудейская традиция довольно четко говорит о том, что человека после смерти ждет загробная жизнь. Вспомним многочисленные мессианские пророчества из книг Исайи, Иезекииля, Иова. Также и устная еврейская традиция утверждает о существованиирая и ада. В Талмуде, а именно – в Мишне, мы читаем: «Весь Израиль имеет удел в будущем мире, ибо сказано (Ис. 60:21): «и народ твой весь будет праведный, навеки наследует землю, – отрасль насаждения Моего, дело рук Моих, к прославлению Моему» (Санх. 10:1) [7, с. 376].

Также и в Агаде имеются следующие повествования: «Тогда воззвал Господь к душе Моисея:

– Дочь моя! Сто двадцать лет Мною было определено тебе жить в теле Моисея, ныне пришло тебе время выйти из него. Выходи, не медли!

– Владыка! – отвечала душа. – Я знаю, что Ты Бог всех духов и Властитель всех душ; Ты меня сотворил, Ты вдунул меня в тело Моисея на сто двадцать лет. Ныне же – есть ли во всем мире тело чище Моисея? Я люблю его, и я не желаю выйти из него.

– Выйди, – сказал Господь, – и Я вознесу тебя в Вышние Высоты и поселю тебя под сенью Престола Славы Моей, вблизи херувимов и серафимов...

Облобызал Господь Моисея – и лобзанием принял душу его» [5, с. 133].

Другое дело, что нам кажется, что иудейская традиция не говорит нам о Рае подробнее, но, изучив внимательнее талмудическую традицию, мы видим, как перед нами возникает совершенно неожиданный, удивительный и прекрасный образ Рая. И этот Рай, в отличие от Рая христиан-

ства, главным образом определяется не пространством, а временем.

Для раскрытия этого образа мы должны обратиться к книге Исход, когда Господь дарует избранному народу Тору и в том числе 10 заповедей, среди которых заповедь соблюдать Шабат: «А день седьмой – Суббота – Господу, Богу твоему: не делай никакой работы ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец твой, который в воротах твоих» (Исх. 20:10). С этого времени Суббота навсегда становится в еврейской традиции днем, отданным Господу и усовершенствованию духовной жизни человека, его семьи, его близких. Более того, Агада указывает нам на связь Субботы именно с Раем. Вобщем-то Суббота – это и есть олицетворение Райского состояния человека, образ восстановленного падшего естества человека. В этот день иудей осознанно предпочитает жизнь с Богом и только с Богом земным делам и ежедневной суете. «И потому тот, кто празднует этот день, провозглашает тем самым Царство Божее, свидетельствует, что Бог есть Творец всего: знак принятия Его Царства – полное устранение от дел и возвращение всем сердцем к Нему «в седьмой день», – пишет Д. Щедровицкий [10, с. 406]. Это день, по словам Г. В. Синило, приближает День триумфа абсолютной гармонии, которая была первоначально заложена Всевышним в фундамент нашего мира [6, с. 329]. Как подчеркивают еврейские мудрецы, если бы хотя бы однажды все евреи одновременно встретили Субботу как следует, сразу же пришел бы Мессия: «Сказал раби Йоханан от имени одного из учеников раби Шимона бар Йохая: «Если сыны Израиля проведут две субботы подряд, ничего не нарушая, немедленно придет Искупление» (Шабат 118) [5, с. 81].

Шабат – символ освящения человека через молитву к Богу, символ нового «адама». Недаром в Агаде еврейскими мудрецами так трактуются слова из Песни Песней «Дщери Иерусалимские! Черна я, но прекрасна, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы» (Песн. 1:5): «Черна – в будни, прекрасна – в субботу» [5, с. 83]. А также мы читаем:

«Сказал раби Шимон бен Лакиш: в канун субботы Всевышний дает человеку дополнительную душу, а на исходе субботы забирает» (Бейца 15) [5, с. 83]. А что такое эта «дополнительная душа»? Это и есть душа человека обновленного, это и есть Райский дар Господа человеку, который готов жить с Богом и согласно Его заповедям, ибо исполнение заповеди – это путь к святости, путь к Богу.

Таким образом, мы начинаем понимать, почему в еврейской религиозной традиции такое огромное значение играет Суббота – день восстановления нарушенной грехопадением гармонии, единения физической и духовной составляющих человека, день, напоминающий нам о том, что впереди нас ждет Рай. О глубокой неземной символике Субботы свидетельствует вся талмудическая традиция, а в особенности Агада. По словам раввина Адина Штейнзальца, «на протяжении многих столетий оставалось справедливым высказывание, что родина (земная) Израиля – это его история. Это родина, которую обретают во времени, а не в пространстве» [9, с. 144]. Так вот именно во временном образе, а не в пространственном иудаизм приоткрывает нам и Небесную Родину Израиля и всего человечества. Символ Шабата, по словам раввина Штейнзальца, цветущая роза, которая невольно заставляет нас с тоской вспомнить райский сад и человека до его грехопадения [9, с. 126].

Таким образом, в талмудической традиции мы встречаем образ Рая, для которого характерна временная форма. Образом райского, обновленного состояния человечества становится человек, празднующий Субботу, человек, который осознанно предпочитает жизни без Бога жизнь с Богом, который отвечает Богу «Да» на вопрос, хочет ли он быть с Богом, который отвечает любовью на Его бесконечную Любовь и Милость. Суббота – это добровольный выбор человека жить по заповедям Божиим, это признание своей слабости и принятие великого Рая как незаслуженного Дара от Бога. Когда, как говорит Дороти Сэйерс в своем стихотворении, Иерусалим окутан тихой смиренной радостью, когда мы «хотим не больше, чем можем» [8, с. 19].

Но, несмотря на отмеченные нами различия, и в христианстве, и в иудаизме главное предназначение Рая одинаково. Это встреча с Богом лицом к Лицу, это координальное внутреннее изменение человека, это возможность любить в полноте Бога и ближнего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2008. – 1328 с.
2. Аверинцев, С. С. *София – Логос. Словарь* / С. С. Аверинцев. – Киев «Дух и Литера», 2000. – 449 с.
3. Добротохов, А. Л. *Данте Алигьери* / А.Л. Добротохов. – М.: Мысль, 1990. – 207 с.
4. Ефрем Сирин. *Творения*: в 4 т. / Ефрем Сирин. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994. – 3 т.
5. *Литература Агады* / Знание; науч. ред. И.В. Бегуна. – М., 1999. – 500 с.
6. Сініла, Г. В. *Біблія як феномен культури і літаратури* / Г. В. Сініла. – Минск «Беларуская навука», 2004. – 611 с.
7. *Талмуд, Мишна и Тосефта* / в русском переводе Н. Переферковича. – СПб., 1902. – 3210 с.
8. Трауберг, Н. Л. *Сама жизнь* / Н. Л. Трауберг // *Истина и жизнь*. – 2004. – № 10. – С. 17 – 19
9. Штейнзальц, Адин. *Роза о пяти лепестках* / А. Штейнзальц. – М., 1999. – 280 с.
10. Щедровицкий, Д. В. *Введение в Ветхий Завет* / Д. В. Щедровицкий: В 8 т. Т. 1-3. Пятикнижие Моисеево.
11. Эппле, Н. *«Отвергнутый образ»: небеса средневековой Вселенной и Вселенной Нового времени на материале К. С. Льюиса* / Н. Эппле // *Койнония. Весн. Харьков. национ. ун-та им. В.Н. Каразина. Сер. Теория культуры и философии науки*. – 2010. – №1. – С. 255-273.